
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа,
общественного деятеля, переводчика Мэргэн-гуна Гомбоджаба

St. Petersburg
2016

Редакционная коллегия: доктор филол. наук И. В. Кульганек (председатель); доктор филол. наук Л. Г. Скородумова; доктор ист. наук Т. Д. Скрынникова; доктор ист. наук К. В. Орлова, канд. филол. наук Н. С. Яхонтова; доктор наук Ж. Легран (Франция); доктор наук Р. Поп (Румыния); доктор наук А. Бирталан (Венгрия); доктор наук В. Капишовска (Чешская республика)

Рецензенты: канд. филол. наук М. П. Петрова, доктор филол. наук С. Л. Невелева
Секретарь и редактор английского текста выпуска: канд. филол. наук Д. А. Носов
Эл. адрес: kulgan@inbox.ru

Edited by: D. S. (Philology) I. V. Kulganek; D. S. (Philology) L. G. Skorodumova; D. S. (History) T. D. Skrynnikova; D. S. (History); K. V. Orlova; PhD. (Philology) N. S. Yakhontova; D. S. J. Legrand (France); PhD. A. Birtalan (Hungary); PhD. R. Pop (Rumania); PhD. V. Kapishovska (Czech Republic)

Peer-reviewed by: PhD. (Philology) M. P. Petrova, D. S. (Philology) S. L. Neveleva
Secretary and Editor of the English text: PhD (Philology) D. A. Nosov
e.mail: kulgan@inbox.ru

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Монголика-XVII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2016. — 104 с.

Семнадцатый выпуск журнала «Mongolica» посвящен 110-летию юбилею монгольского ученого-монголоведа, общественного деятеля, переводчика и публициста Мэргэн-гуна Гомбоджаба (1906—1940).

Выпуск имеет разделы: «Историография, источниковедение», «Литературоведение, фольклористика, лингвистика», «Рецензии», «Переводы». В журнал вошли статьи российских и зарубежных специалистов, отчеты о проведенных научных мероприятиях по монголоведению и переводы, выполненные российскими монголоведами. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The seventeenth edition of the magazine «Mongolica» is dedicated to 110th anniversary of Mongolian scholar, public figure, translator and essayist Mergen-gun Gombodzhab (1906—1940).

This issue consists of the following parts: «Historiography and Source Studies», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews», and «Our Translations». The magazine includes articles written by Russian and foreign scholars, the reports of the scientific activities in field of Mongolian studies and translations made by Russian mongolists.

The papers are written in keeping with the research priorities of modern Mongolian studies, with special regard to the matters of history and culture of the Mongolian ethnic groups, which gives the articles great social, historical and practical value.

The issue will be of interest not only to scholars of Mongolian studies, but also to specialists in philology, history and culture, as well as to those interested in the history of Mongolian ethnic groups and Central Asia.

Литературный редактор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова
Корректор — Т. Г. Бугакова

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 07.11.2016. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ №

ISSN 2311-5939

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2016
© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хишигт. Мэргэн-гун Гомбоджаб — князь, ученый, переводчик, общественный деятель (1906—1940) (Перевод Л. Г. Скородумовой, И. В. Кульганек)	6
И. В. Кульганек. Ленинград в жизни Мэргэн-гуна Гомбоджаба.	11
Д. А. Носов. Мэргэн-гун Гомбоджаб и Институт живых восточных языков в Ленинграде	24
Т. Тамир, Т. Аира. Книги из личной коллекции М.-г. Гомбоджаба	27
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. Ш. Кадырбаев. Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казаками в эпоху Цин	30
Т. Д. Скрынникова. Представления об общемонгольской идентичности в монгольских летописях XVII в.	35
И. М. Захарова, М. В. Мандрик. Делегация автономной Монголии в России в 1912—1913 гг.	42
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Г. Батсуурь. Новизна образов повести Ц. Дамдинсурэна «Отвергнутая девушка»	48
А. В. Зорин, Ю. С. Макарова. Два калмыцких списка тибетского сборника «Доманг» из коллекции Саратовского областного музея краеведения	52
Б. В. Меняев. Ойратский ксилограф из частного собрания Хотол-Тугеса, посвященный культу будды Амитаюса	61
Т. Содгэрэл. Наигрыши на цууре в Западной Монголии: вопросы классификации	65
Д. Сувданцэцэг. Запятая в монгольском предложении: случаи постановки	69
А. А. Туранская. Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии	78
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Ю. В. Болтач, И. В. Кульганек, Е. Ю. Харьков. Седьмые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир»	83
ПЕРЕВОДЫ	
Ж. Дашдондог. Я никогда не был антисоветчиком (Перевод Л. Г. Скородумовой)	88
Ц. Доржготов. Подарок снега (Перевод А. Токмакова под редакцией Л. Г. Скородумовой)	91
С. Буяннэмэх. Врата литературы (<i>Окончание</i>) (Перевод А. Сапожниковой под редакцией Л. Г. Скородумовой)	93
Информация об авторах.	103

Contents

N. Hishigt. Mergen-gun Gombodzhab — prince, scientist, translator (1906—1940) (translated by L. G. Skorodumova and I. V. Kulganek)	6
I. V. Kulganek. Leningrad in the life of Mergen-gun Gombodzhab	11
D. A. Nosov. Mergen-gun Gombodzhab and the Institute of Living Oriental Languages in Leningrad.	24
T. Tamir, T. Aira. Books from the personal collection of Mergen-gun Gombodzhab	27
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
A. Sh. Kadyrbaev. Monuments of steppe legislation «Jeti-Jargy», «Ikh Tsaaz», «Tsaadzhin Bitchig» and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period	30
T. D. Skrynnikova. Ideas of the all-Mongolian identity in the Mongolian chronicles of the XVII century	35
I. M. Zakharova, M. V. Mandrik. The delegation of Autonomous Mongolia in Russia in 1912—1913	42
PHILOLOGY: LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
G. Batsuur. Images Novelty in Ts. Damdinsurung's Story «The Rejected Girl»	48
A. V. Zorin, Yu. S. Makarova. Two Kalmykian Manuscript Copies of the Tibetan Collected Book «Mdo mangs» Kept at the Saratov Regional Museum of Local Lore	52
B. V. Menyaev. Oirat woodcuts from the private collection of Hotol-Tuges dedicated to cults of Buddha Amitayus	61
T. Sodgerel. Tunes on tsuur in Western Mongolia: the classification.	65
D. Suvdantsetseg. A comma in Mongolian sentence: cases of setting	69
A. A. Turanskaya. Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography	78
THE ARCHIVES OF ORIENTALISTS REVIEWS	
Ju. V. Boltach, I. V. Kulganek, E. Ju. Khar'kova. VIIth Conference, dedicated to Agvan Dordzhiev.	83
OUR TRANSLATIONS	
Zh. Dashdondog. I have never been anti-Soviet (translated by L. G. Skorodumova)	88
Ts. Dordzhogotov. Gift from snow (translated by A. Tokmakov, edited by L. G. Skorodumova)	91
S. Buyannemekh. Gates of literature (translated by A. Sapozhnikova, edited by L. G. Skorodumova)	93
Information about the authors	103

А. А. Туранская

Жанровая маркировка «гурбум» в тибето-монгольской агиографии

В статье дается характеристика жанровой маркировки «гурбум» в средневековой тибето-монгольской агиографии. Автор приходит к выводу, что, несмотря на популярность, маркированные таким образом, получили крайне ограниченное распространение в Тибете. Отсутствие же традиции исполнения гуров-песнопений в Монголии привело к тому, что «Гурбум» Миларэпы оставался единственным агиографическим произведением подобного рода, не вызвав к жизни переводы других сочинений или появление оригинальных текстов.

Ключевые слова: жанровая маркировка, гурбум, тибето-монгольская агиография, средневековая литература.

Одним из специфических явлений средневековой словесности, демонстрирующих удивительную устойчивость и однородность в литературах Востока и Запада, является агиография. В современном словоупотреблении термин «агиография» означает особое направление средневековой словесности, совокупность жизнеописаний святых¹, составленных в рамках той или иной религиозной традиции. Большинство научных трудов определяет агиографию как жанр средневековой литературы. Однако жанр есть категория историческая, представление о которой меняется от эпохи к эпохе. В Средние века строгая классификация жанров, как правило, отсутствовала. В ней совмещались функциональный и формальный принципы деления, что зачастую приводило к ее значительной дробности. В рамках данной статьи мы будем определять агиографию как совокупность жанров, объединенных одним тематическим признаком². Это обусловлено наличием сложной иерархии

агиографических сочинений, а также многообразием жанровых маркировок в литературах Тибета и Монголии.

Распространение среди тибетцев и монголов буддизма Махаяны привело к формированию в литературах этих народов буддийской агиографии. Значительная часть сочинений и переводов литературы этого рода свободно перемещалась из одной части этого буддийского ареала в другую, образуя агиографическую общность, не вмещавшуюся в этнические и государственные границы.

К тибетским агиографическим сочинениям можно отнести переводные индийские и тибетские джатаки (санскр. *jātaka*, тиб. *skyes rabs*)³ и аваданы (санскр. *avadāna*, тиб. *rtogs brjod*)⁴, некоторые истории настоятелей монастырей (тиб. *gdan rabs*) и перерожденцев (тиб. *'khrung rabs*), тексты, маркируемые как «записи достигнутого» (тиб. *thob yig*) или «записи прослушанного» (тиб. *gsan yig*), а также некото-

¹ Понятие «святости» имеет разное семантическое наполнение в мировых религиозных традициях. В рамках данной статьи важно лишь общее для агиографической литературы представление о людях, достигших религиозного идеала и заслуживших тем самым почитание членов религиозной общины.

² При этом под жанром понимается исторически сложившаяся, реально существующая и обозначенная тем или иным традиционным термином разновидность произведений. Как «относительно устойчивый тип» произведений жанр характеризуется единством тематического содержания, стиля и композиционного построения. Однако для дифференциации жанров может быть значим и один из выделенных признаков.

³ Букв.: «последовательность жизней». Индийские джатаки представляют собой повествования о прошлых рождениях Будды. К тибетским сочинениям подобного рода относится, например, сборник джатак об индийском наставнике Атише (санскр. *Atiśa*, 982—1054) и его ученике Дром Тонпе (тиб. *Brom ston pa*, 1005—1064), входящий в апокрифический «Кадам Легбам» (тиб. *bKa' gdams legs bam*). См.: [Востриков, 2007. С. 43—49; Tucci, 1949. P. 151].

⁴ Букв.: «повествование о достижении [состояния Будды]». Аваданы повествуют о деяниях Будды, его учеников или легендарных деятелей буддизма. Некоторые из этих сочинений вошли в тибетский канон Ганджур [Tucci, 1949. P. 437].

рые сочинения, входящие в так называемые «апокрифы» (тиб. *gter ma*)⁵.

Одним из наиболее распространенных агиографических жанров в Тибете являются намтары. Термин «намтар» (тиб. *gnam thar*, сокращенное от тиб. *gnam pa thar pa*) передает санскритский термин «вимокша» (санскр. *vimokṣa*), означающий «полное освобождение [от сансарического бытия]», т. е. достижение состояния будды. В Тибете начиная с XI в. он использовался для маркирования жанровых текстов, описывающих истории такого освобождения и способы его достижения⁶.

Архетипом для формирования тибетского агиографического субстрата⁷ и модели построения намтаров послужили в первую очередь пространные жизнеописания Шакьямуни, переведенные на тибетский в VIII в., такие как каноническая Лалитавистара (санскр. *Lalitavistara*, тиб. *rGya cher rol pa'i mdo*) и Буддхачарита (санскр. *Buddhacarita*, тиб. *Sangs rgyas kyī spyod pa zhes bya ba'i snyan dngags chen po*) Ашвагхоши (санскр. *Aśvaghoṣa*, I—II вв.), индийские джатаки и аваданы, а также «Жизнеописания 84 махасиддхов», составленные Абхаядаттой (санскр. *Abhayadatta*, XI в.) [Larsson, 2009. P. 32—33; Strong, 2001. P. 12].

Намтары являлись своего рода моделью, которая наглядно показывала возможность освобождения из сансарического бытия «в течение одной жизни в одном теле» (тиб. *tshe gcig lus gcig*) и должна была вдохновлять и наставлять последователей буддийского учения. Они также устанавливали четкие связи между индийской и тибетской буддийскими традициями, являясь своего рода доказательством аутентичности и преемственности последней.

Наиболее ранний из известных на сегодня намтаров датируется XII в. Это автобиография учителя традиции Цалпа Кагью (тиб. *Tshal pa bka' brgyud*) Ламы Шанг Ринпоче (тиб. *Bla ma zhang rin po che*, 1123—1193)⁸. Изначально намтары представляли собой тексты, состоящие из фрагментарных и не связанных между собой историй о том или ином тибетском учителе. Однако по мере развития церковных институтов, расширения влияния различных школ тибетского буддизма подобные сочинения «обрастали» новыми повествовательными и композиционными деталями. Своего рода доказательством подобно-

⁵ Подробнее см.: [Востриков, 2007. С. 50—67, 95—98; van der Kuip, 1996. P. 43—45; Schaeffer, 2000; Sobisch, 2000. P. 161—179].

⁶ Подробнее о термине «намтар» см.: [Gyatso, 1998. P. 281; Willis, 1985]. До XI в. жизнеописания, как правило, имели жанровую маркировку *lo rgyus*, букв.: «история» [Roberts, 2010. P. 181].

⁷ Подробнее об агиографическом субстрате см.: [Лурье, 2009. С. 54—62].

⁸ Подробнее об этом сочинении см.: [Gyatso, 1998. P. 101; Quintman, 2006. P. 44].

го развития этого литературного жанра является трехтомный намтар пятого далай-ламы Нгаванг Лопсанг Гьяцо (тиб. *Ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617—1682), согласно тибетской традиции, он считается кульминацией агиографической литературы в Тибете.

Особым жанровым подвидом намтаров стали «гурбумы» (тиб. *mgur 'bum*, букв.: «сто тысяч гуров» или «собрание гуров»)⁹. Появление самостоятельных текстов такого рода было, по всей вероятности, обусловлено большим объемом жизнеописаний наиболее уважаемых учителей традиции Кагью, а также наличием в этой традиции особых религиозных песнопений — «гуров» (тиб. *mgur, mgur ma, mgur glu*). Изначально в Тибете слово «гур» использовалось как синоним «песни» (тиб. *glu*), рассказывающей о «положительном индивидуальном опыте, восхваляющей деяния поющего или кого-либо из известных ему людей... и выражающей радость поющего по поводу преодоления препятствий, надежду на будущие успехи или восхваление деяний других» [Ellington, 1979. P. 67; Jackson, 1996. P. 372]. Начиная с XI в. гурами стали называться религиозные песнопения, описывающие духовный опыт, полученный в процессе медитативных практик, или содержащие наставления по практике буддийского учения.

Традиция таких песнопений восходит к индийским махасиддхам, традиционно исполнявшим особые тантрийские песнопения (санскр. *dohā, saṅgātī, vajragītī*¹⁰), которые являлись «наиболее подходящим способом проповеди их учений» [Sørensen, 1990. P. 15]. Согласно некоторым источникам по истории Тибета, автором первого религиозного гура является Падмасамбхава (санскр. *Padmasambhava*, тиб. *Padma 'byung gnas*, VIII в.), который исполнил его для царя Трисонг Дэцэна (тиб. *Khri srong lde'u btsan*, 790—858) [Ellington, 1979. P. 230], а его ученик Вайрочана (тиб. *Vai ro tsa na*, VIII в.) считается первым в истории Тибета великим сочинителем гуров. «Классическая» традиция гуров восходит к основателю тибетской школы Кагью Марпе лоцзаве (тиб. *Mar pa lo tsa ba*, 1002/1012—1097/1100), который получил в устной передаче песнопения и комментарии к ним от индийского махасиддхи Майтрипы (тиб. *Mai tri pa*, 1012—1097).

Некоторые ученые полагают, что индийское влияние на формирование традиции гуров в Тибете закончилось к XI в., когда сформировался «стиль, более близкий к местной традиции» [Sørensen, 1990. P. 260]. Первым, кто «...адаптировал иностранную модель (мистических песнопений индийских тантри-

⁹ В тибетской литературе числительное *'bum* (букв.: «сто тысяч») использовалось для обозначения собрания сочинений какого-либо автора (например, тиб. *bka' 'bum, gsung 'bum*).

¹⁰ Подробнее см.: [Jackson, 1996; 2004; Kværne, 1977; Templeman, 1994].

стов) к традиционным песням своей страны», по всей вероятности, был Миларэпа [Stein, 1972. P. 260]. Благодаря ему гуры получили широкое распространение в Тибете¹¹, особенно в рамках традиции Кагью, и стали использоваться в качестве одного из способов проповеди буддийского учения.

Изначально гуры передавались изустно или входили в заключительные разделы намтаров. С развитием агиографической традиции они стали обрамляться описаниями обстоятельств их исполнения и в результате превратились в самостоятельные повествования внутри намтаров.

Известный учитель традиции Другпа Кагью (тиб. 'Brug pa bka' brgyud) Цаннён Херука (тиб. gTsang smyon he ru ka, 1452—1507), по всей вероятности, был первым, кто выделил подобные повествования из жизнеописания одного из самых популярных тибетских святых, йогина и поэта Миларэпы в отдельное сочинение «Собрания гуров, пространно разъясняющих намтар досточтимого Миларэпы» (тиб. rJe btsun mi la gas pa'i rnam thar rgyas par phyue ba mgur 'bum zhugs so), ставшее своего рода дополнением или комментарием к его намтару. После издания этого сочинения ксилографическим способом в 1488 г. в Тибете стали появляться и другие самостоятельные сочинения подобного рода, в первую очередь в традиции Кагью, в рамках агиографической школы, начало которой положил Цаннён Херука¹², а затем и в других школах тибетского буддизма. В качестве примеров можно привести «Гурбум Цаннён Херуки» (тиб. gTsang smyon he ru ka'i mgur 'bum), написанный его учеником Нацог Рангдролом (тиб. sNa tshogs rang grol, 1494—1570) и гурбум Кунга Сангпо (тиб. Kun dga' bzang po, 1458—1532) «Гурбум сумасшедшего Кунга Сангпо [из области] Уй» (тиб. dBus smyon kun dga' bzang po'i mgur 'bum), составленный Нгаванг Драгпой (тиб. Ngag dbang grags pa, 1458—1515).

Гурбумы небольшого объема входили в состав сборников песнопений учителей той или иной традиции. Самый известный из них — «Океан песнопений

¹¹ Гуры наряду с песнями (тиб. glu) и изящной поэзией (тиб. snyan ngag, букв.: 'речь[, приятная для] слуха') образуют три стихотворных жанра тибетской литературной традиции. Многие исследователи рассматривают эти жанры как последовательные этапы развития тибетской поэтической традиции [Jackson, 1996. P. 368—369; Stein, 1972. P. 269—270]. Песни, как считают некоторые исследователи, являются наиболее ранним, самобытным и зачастую передаваемым изустно жанром [Jackson, 1996. P. 372]. Жанр изящной поэзии, вдохновленный индийской литературной традицией, появился только в XIII в. Согласно тибетскому исследователю Дондуп Гьелу, отличие гуров от изящной поэзии в том, что первые в большинстве случаев «характеризуются более короткой и непредсказуемой ритмической организацией, простотой и прямолинейностью и включают тибетские образные и стилистические клише» [DGR. P. 31].

¹² Об авторах и сочинениях этой школы см.: [Smith, 2001].

[учителей традиции] Кагью» (тиб. bKa' brgyud mgur tsho), составленный восьмым кармапой Микью Дордже (тиб. Mi skyod rdo rje, 1507—1554). Впоследствии гурбумы также стали включаться в собрания сочинений (тиб. gsung 'bum) тибетских авторов. Так, например, в сумбум Таранатхи (тиб. Ta ra na tha, 1575—1635) вошло сочинение «Устные наставления и гурбум» (тиб. Zhal gdams mgur 'bum gyi skor), а в сумбум Ролби Дордже — сочинение «Некоторые устные наставления и гуры» (тиб. gSung mgur zhal gdams 'ga' zhig).

Однако в большинстве своем собрания песнопений по-прежнему входили в состав намтаров, что приводило к двойной жанровой маркировке — «намтар и гурбум» (тиб. rnam thar mgur 'bum, rnam mgur). Среди сочинений, маркированных подобным образом, наибольшую известность в Тибете получили «Краткий намтар и дополнение к намтару гур[бум] досточтимого Рэчунга, обретшего радужное тело в течение одной жизни» (тиб. Tshe gcig la 'ja' lus brnyes pa rje ras chung pa'i rnam thar rags bsdus mgur rnam par rgyas), «Намтар и гурбум повелителя йогинов прославленного Драгпа Тайе [под названием] „Удивительное драгоценное ожерелье“» (тиб. rNal 'byor gyi dbang phyug grags pa mtha' yas dpal bzang po'i rnam thar mgur 'bum ngo mtshar nor bu'i phreng ba) или «Намтар и гурбум Бараба Гьелцэн Пэлсангпо» (тиб. 'Ba' ra ba rgyal mtshan dpal bzang po'i rnam thar mgur 'bum sogs).

Монголы начали свое знакомство с буддийской агиографией с переводных сочинений. Уже в правление Есун Тэмура (монг. Yesün temür, 1293—1328) Шэйраб Сэнге (тиб. Shes rab seng ge, XIV в.) перевел на монгольский язык сочинение «Двенадцать деяний будды» (монг. Burqan-u arban qoyar Jokiayangui), составленное на тибетском Чойджи Одсэром (тиб. Chos kyi 'od zer, XIV в.) в XIV в. Однако интенсивное проникновение в монгольскую культуру индо-тибетского буддийского агиографического субстрата началось только в конце XVI—начале XVII в., в период роста экономической, политической и культурной активности монгольского общества, который сопровождался более широким, чем ранее, распространением в Монголии буддизма в его тибетской форме и возобновлением литературной и в первую очередь переводческой активности. Это привело к тому, что тибетская буддийская литература, в том числе и агиографическая, заняла в Монголии «главенствующее положение, тесня эпос, монгольскую историографию и оказывая на них свое влияние» [Цендина, 2007. С. 7].

Так, известно, что с конца XVI до середины XVII в. было осуществлено три перевода сборника «Мани Кабум» (тиб. Mani bka' 'bum), содержащего жизнеописание тибетского царя Сонгцэн Гампо (тиб. Srong btsan sgam po, VII в.), два перевода жизнеописания Падмасамбхавы «Падма-гатан» (тиб. Pad ma bka' thang), перевод «Книги сына» (тиб. Bu chos), тибетского сборника джатак о перерождениях Атиши (санскр. Atiśa, 982—1054) и его ученика Дром

Тонпы (тиб. *Brom ston pa*, 1005—1064), входящего в сборник «Кадам Легбам» (тиб. *bKa' gdams legs bam*). Познакомились монголы и с жизнеописаниями учителей традиции Кагью. В конце XVI в. Эцэг Номунханом (монг. *Есiге ном-ун қауан*, XVI—XVII вв.) был выполнен сокращенный перевод намтара ближайшего ученика Миларэпы Рэчунг Дордже Драгпы (тиб. *Ras chung pa rdo gje grags pa*, 1083/1084—1161)¹³, а в начале XVII в. известным переводчиком буддийских сочинений Ширегету Гуши Цорджи (монг. *Širegetü güši čorji*) были переведены на монгольский намтар и «Гурбум» Миларэпы¹⁴.

Именно эти вышеупомянутые сочинения положили начало рецепции буддийского агнографического субстрата и формированию жанрового канона житийных произведений, которые впоследствии стали органичной частью средневековой монгольской литературы¹⁵.

Стоит отметить, что к концу XVI—началу XVII в. стройной системы передачи тибетских жанровых наименований на монгольском языке не существовало, и такие термины, как «гур» и «гурбум», были так называемой «безэквивалентной»¹⁶ лексикой, что сказывалось на их передаче в монгольских переводах.

В названии осуществленного Ширегету Гуши Цорджи перевода сочинения «Сто тысяч песнопений, пространно разъясняющих жизнеописание досточтимого Миларэпы» (монг. *Getülgegi milarasbayin tuyuji delgerenggüi ilüaysan 'bum dayudal kemegdekü orosiba*) тибетская жанровая маркировка *mgur*

'bum передана как «сто тысяч песнопений» (монг. *'bum dayulal*), а в издательском колофоне, переведенном Нгаванг Тэнпэлом (тиб. *Ngag dbang bstan 'phel*, 1690/1700—1780) почти полтора столетия спустя¹⁷, тиб. *'bum* заменено его санскритским эквивалентом (санскр. *lakṣa*), и «гурбум» передан как *lagṣa-toḡatan dayulal*.

По-разному передавался на монгольском языке и термин «гур». Так, например, Гуши Цорджи для его передачи использует монгольские «стих» (монг. *si-lüg*) или «песня», «песнопение» (монг. *egesig, dayulal*), а иногда вообще опускает его в переводе и использует такие выражения, как «так проповедовал» (монг. *eyin nomlar-un*), «изрек» (монг. *jarliy bolur-un*) или «так ответил» (монг. *eyin qariyular-un*). Практически таким же образом этот термин передается и в пяти главах, считавшихся утерянными уже к середине XVIII в. и заново переведенных Нгаванг Тэнпэлом¹⁸: «песня», «песнопение» (монг. *egesig, egesig dayun, dayulal*). Тибетское выражение «исполнил гур» (тиб. *mgur 'di gsungs, mgur du gsungs*) передается как, например, «проповедовал, спев» (монг. *dayulan nomlar-un*), «проповедовал песню» (монг. *egesig-i nomlar-un, egesig dayun-i eyin nomlar-un*), «спев, так проповедовал» (монг. *egesigler-ün eyin nomlar-un*). Все это свидетельствует о том, что традиция исполнения буддийских гуров отсутствовала в Монголии на момент перевода «Гурбума» не только Ширегету Гуши Цорджи, но и Нгаванг Тэнпэла.

По всей вероятности, получив широкое распространение в Монголии, перевод «Гурбума» способствовал росту популярности тибетского святого Миларэпы среди монголов¹⁹, а также формированию его культа и житийного канона, но оставался единственным агнографическим произведением подобного рода, не вызвав к жизни ни переводы других сочинений, ни оригинальные тексты, имеющие жанровую маркировку «гурбум»²⁰.

¹³ «История досточтимого Рэчунгпы Дордже, прославившегося как наилучший из учеников досточтимого Миларэпы, который обрел дхармакайю в течение одной жизни при помощи усердной практики аскезы, под названием „Ясное зеркало удивительной мудрости“» (монг. *Qatayucing jorig-tu berke qatayujil-iyar : yaysayan nasun-dayan nom-un bey-e-yi oluysan boyda mila-yin : qamuy köbegüd-ün manglai aldarsiysan boyda rascung-ba vcir-un yayiqamsiy-tu belge bilig-ün gegen toli neretü tuyuji orosiba*).

¹⁴ Намтар Миларэпы переведился в начале XVII в. не менее трех раз — Ширегету Гуши Цорджи, Тойном Цогту (монг. *Toyin соуту*, XVI—XVII в.) и ойратским Заяпандитой (монг. *Jaya bandida*, 1599—1662).

¹⁵ О широком распространении буддийской агнографии свидетельствует создание оригинальных монгольских сочинений, начиная со второй половины XVII в. К ним можно отнести жизнеописание Зая-пандиты, составленное его ближайшим учеником Ратнабхадрой (монг. *Radna bhadra*, XVII—XVIII вв.) в 1691 г., и намтар Нейджи-тойна (монг. *Neuji toyin*, 1557—1653) 1739 г. уратского Праджня Сагары (монг. *Prajn-a sagar-a*, XVIII в.).

¹⁶ Аналогичную ситуацию можно наблюдать и для тибетского термина «намтар». В переводе Гуши Цорджи жизнеописание Миларэпы имеет жанровую маркировку «намтар» (монг. *nam tar*), а в переводческом колофоне и переведенном им же названии Гурбума — «тууж» (монг. *tuyuji*), т. е. «история» или «предание». В переводе Тойна Гуши намтар Миларэпы имеет маркировку «цадиг» (монг. *čadig*), т. е. «джатака», «жизнеописание», а в переводе ойратского переводчика Гэлэг Равжа Цорджи — «тууж».

¹⁷ Подробнее см.: [Туранская, 2013].

¹⁸ Подробнее см.: [Туранская, 2013].

¹⁹ Так, например, известно, что намтар Миларэпы на монгольском языке читался во время службы ламами монастыря Мэргэн Гэгэна (монг. *Mergen gegen*, 1717—1766) [Chiodo, 2009. P. 44] и во время ритуальных служб, организованных Равджей (монг. *Rabjai*, 1803—1856) во время его пребывания в Алашане в 1831 г. [Kürelbayatur, 2002. Q. 198], а гуры Миларэпы — на церемонии освящения монастыря Усин-дзу (монг. *Usin juu*) в Ордоце [Narasun, 2000. Q. 409].

²⁰ Ограниченное распространение в Монголии получила традиция сочинения и исполнения песнопений, называвшихся «гурами» (монг. *gür*). Так, монгольская исследовательница Б. Няммягмар приводит в своей диссертации небольшой перечень сочинений, в названиях которых входила маркировка «гур» (монг. *gür dayulal, güр dayun*) [Няммягмар, 2011. X. 15]. Однако все эти сочинения не содержат житийных повествований, подобно «Гурбуму» Миларэпы, а представляют собой лишь сборники текстов песен, иногда с нотами.

Использованная литература

- Востриков, 2007: *Востриков А. И.* Тибетская историческая литература. СПб., 2007 (*Vostrikov A. I.* Tibetskaya istoricheskaya literatura. SPb., 2007).
- Лурье, 2009: *Лурье В. М.* Введение в критическую агиографию. СПб.: Аксиома, 2009 (*Lur'e V. M.* Vvedenie v kriticheskuyu agiografiyu. SPb., 2009).
- Туранская, 2013: *Туранская А. А.* Монгольский сборник «Сто тысяч песнопений Миларэпы» // *Mongolica-X*. Санкт-Петербург, 2013. С. 21—25 (*Turanskaya A. A.* Mongolskiy sbornik «Sto tysyach pesnopeniy Milarepy» // *Mongolica-X*. Sankt-Peterburg, 2013. S. 21—25).
- Цендина, 2007: *Цендина А. Д.* Монгольские летописи XVII—XIX веков: повествовательные традиции. М., 2007. (*Tsendina A. D.* Mongol'skie letopisi XVII—XIX vekov: povestvovatel'nye traditsii. M., 2007).
- Няммягмар, 2011: *Няммягмар Б.* «Мялын бум дууллын» монгол орчуулгын шинж. Ph.D-ын зэрэг горилсон бүтээл. Улаанбаатар, 2012 (*Nyammyagmar B.* «Myalyn bum duullyн» mongol orchuulgyn schinz. Ph.D-yn zereg gorilson buteel. Ulaanbaatar, 2012).
- Chiodo, 2009: *Chiodo E.* The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Harbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Pt. II. Wiesbaden, 2009.
- DGR: *Don grub rgyal.* Bod kyi mgur glu byung 'phel gyi lo rgyus dang khyad chos bsdus par ston pa rig pa'i khye 'u mam par rtsen pa 'i skyed tshal // *Dpal don grub rgyal gyi gsung 'bum*. Vol. III. Beijing, 1985.
- Ellington, 1979: *Ellington T. J.* The Mandala of Sound: Concepts and Sound Structures in Tibetan Ritual Music. Ph.D. dissertation. Madison, 1979.
- Gyatso, 1998: *Gyatso J. B.* Apparitions of the Self: The Secret Autobiographies of a Tibetan Visionary. Princeton; N.Y., 1998.
- Jackson, 1996: *Jackson R. R.* «Poetry» in Tibet: Glu, mGur, sNyan ngag and «Songs of Experience» // *Tibetan Literature: Studies in Genre* / ed. by José Ignacio Cabezón and Roger R. Jackson. Ithaca; N.Y., 1996. P. 368—392.
- Jackson, 2004: *Jackson R. R.* Tantric Treasures: Three Collections of Mystical Verse from Buddhist India. N.Y., 2004.
- Kværne, 1977: *Kværne P.* An Anthology of Buddhist Tantric Songs: A Study of Caryāgīti. Bangkok, 1977.
- Kürelbayatur, 2002: *Kürelbayatur L.* Оүтарүй-йин саяан үаруди. Көкеқота, 2002.
- Larsson, 2009: *Larsson S.* The Birth of a Heruka. How Sangs rgyas rgyal mtshan became gTsang smyon Heruka: A Study of Mad Yogin. Stockholm, 2009.
- Narasun, 2000: *Narasun S.* Ordos-un süm-e keyid. Qayilar, 2000.
- Quintman, 2006: *Quintman A. H.* Mi la ras pa's Many Lives: Anatomy of a Tibetan Biographical Corpus. Ph.D. dissertation. University of Michigan, 2006.
- Roberts, 2010: *Roberts P. A.* The Evolution of the Biographies of Milarepa and Rechungpa // *Biography in the Buddhist Traditions* / ed. by Covill, Linda; Roesler, Ulrike; Shaw, Sarah. Boston, 2010. P. 181—2013.
- Schaeffer, 2000: *Schaeffer K. R.* The Religious Career of Vairocana vajra — a Twelfth-century Indian Buddhist Master from Dakṣiṇa Kośala // *Journal of Indian Philosophy*, 28. Netherlands, 2000. P. 361—384.
- Sobisch, 2000: *Sobisch J. U.* The 'Records of Teachings Received' in the Collected Works of A-mes-zhabs: An Untapped Source for the Study of Sa skya pa Biographies // *Tibet, Past and Present: Proceedings of the Ninth Seminar of the IATS*, 2000. Leiden, 2000. P. 161—181.
- Sørenson, 1990: *Sørenson P. K.* Divinity Secularized. An Inquiry into the Nature and Form of the Songs Ascribed to the Sixth Dalai Lama. Wien, 1990.
- Smith, 2001: *Smith E. G.* The Life of gTsang smyon Heruka // *Among Tibetan Texts. History and Literature of the Himalayan Plateau*. Boston, 2001. P. 59—80.
- Stein, 1972: *Stein R. A.* Vie et chants de 'Brug pa kun legs le yogin. Paris, 1972.
- Strong, 2001: *Strong J. S.* The Buddha: A Short Biography. Oxford, 2001.
- Templeman, 1994: *Templeman D.* Dohā, Vajragīti and Caryā Songs // *Tantra and Popular Religion in Tibet* / ed. by G. Samuel, H. Gregor, E. Stutchbury. New Delhi, 1994. P. 15—38.
- Tucci, 1949: *Tucci G.* Tibetan painted scrolls. Vol. I. Roma, 1949.
- van der Kuijp, 1996: *van der Kuijp L.* Tibetan Historiography // *Tibetan Literature: Studies in Literature* / ed. by J. I. Cabezon and R. R. Jackson. Ithaca; N.Y., 1996. P. 39—56.
- Willis, 1985: *Willis J. D.* On the Nature of Rnam-thar // *Soundings in Tibetan Civilization* / ed. by B. N. Azis and M. Kapstein. Delhi, 1985. P. 304—319.

A. A. Turanskaya

Genre marker 'gurbum' in Tibeto-Mongolian Hagiography

The article gives an overview of the genre marker 'mGur 'bum' in medieval Tibeto-Mongolian hagiography. The author comes to the conclusion that despite the popularity texts marked as 'mGur bum' were extremely limited in Tibet. As a result of the absence of the tradition of performing gur songs in Mongolia, Milarepa's mGur 'bum remained the only hagiographical text of this genre and did not call into being the original Mongolian texts.

Key words: genre marker, mGur 'bum, Tibeto-Mongolian hagiography, medieval literature.